

Внешний отзыв Гаджиева Г.А.
на диссертацию на соискание ученой степени
доктора юридических наук по теме:
«Международно-правовой принцип добросовестности
как основа регулирования частноправовых отношений»

Сведения об авторе внешнего отзыва: Гаджиев Гадис Абдуллаевич, ординарный профессор юридического факультета НИУ ВШЭ, доктор юридических наук, научный руководитель юридического факультета, Судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке.

1. Докторская диссертация Жанны Игоревны Седовой находится на стыке таких научных специальностей, как международно-правовые науки и частноправовые (цивилистические) науки. Включенный в ст. 1 ГК РФ Федеральным законом от 30.12.2012 № 302 ФЗ РФ принцип добросовестности – этот воистину «царствующий принцип» не обойден вниманием ученых-юристов.

Однако автору диссертации удалось изучить и описать одну из важнейших юридических форм, обладающую нормативной автономностью, проявляющейся в возможности издавать юридические обязательства, в том числе в области международного коммерческого права и международного частного права.

Ж.И. Седова вступает в теоретическую дискуссию с самыми титулованными современными немецкими цивилистами, которые придерживаются мнения о том, что принцип добросовестности не способен породить субъективные права и обязанности, но при этом способен создавать принципы и нормы права, которые, в свою очередь, регулируют права и обязанности.

Я имею в виду Карла Ларенца и Клаус-Вильгельма Канариса, которые допускают возможность судебного правотворчества в силу необходимости учета этико-правового принципа добросовестности. Он отличается от юридико-технических принципов, основанных на соображениях целесообразности, в силу своей содержательной справедливости, поэтому, как они полагают, его можно воспринимать только как правовую идею. Поэтому в качестве «принципа» он не является правилом, которое непосредственно применимо в конкретных делах; такие принципы выступают руководящими началами, которые должны реализоваться в правовых правилах, принимаемых законодателем или развиваемых судебной практикой через конкретизацию и формирование типовых групп случаев¹.

Таким образом значительно расширяются функциональные возможности принципа добросовестности.

2. Новой для науки гражданского права является идея о наличии у принципа добросовестности собственного метода правового регулирования, он проявляется в отрицании недобросовестного поведения. При подобной интерпретации вполне логичной является норма пункта 4 ст.1 ГК РФ (следующая за пунктом 3, в котором утверждается принцип добросовестности), в которой подчеркивается, что «никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения».

Предусмотренное в п. 4 ст. 1 ГК РФ отрицание судами недобросовестного поведения, как справедливо считает Ж.И. Седова, представляет собой метод правового регулирования, реализуемый через применение участниками гражданских правоотношений и судами таких способов правового регулирования, как запреты, обязывания, основанные на принципе добросовестности, и соответствующих им правовых средств.

¹ Карл Ларенц, Клаус-Вильгельм Канарис. Методология юриспруденции. М-Логос. М., 2024, с. 278-279.

Идея о наличии присущего принципу добросовестности метода правового регулирования является развитием предложенной В. Зибертом классификации функций принципа добросовестности, в основе которой лежали наработки Ф. Виакера. Об этих идеях писал М. Хесселинк в своей статье «Концепция доброй совести. / К вопросу о Европейском Гражданском кодексе»².

Считается, что учение Виакера о трех функциях принципа добросовестности лежит в основе понимания этого принципа в Принципах УНИДРУА и Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г.

3. Автор диссертации выработал понятие принципа добросовестности – это норма-принцип (общий принцип права и норма *jus cogens*), обладающий сверхимперативной юридической силой³. Помимо сверхимперативности Ж.И. Седова предлагает еще восемь признаков добросовестности.

Особой новизной отличается описание такой, к сожалению, развивающейся юридической формы, как кибернедобросовестность. Автор анализирует известные к настоящему времени виды недобросовестного поведения с использованием цифровых технологий, искусственного интеллекта, нейросистем, которые оказывают трансграничное влияние на выбор лицом, находящимся в любой юрисдикции, модели поведения и управляющих поведением. Такое поведение, осуществляемое под влиянием высоких цифровых технологий, автором квалифицируется как поведение с пороками воли.

4. В связи с появлением феномена кибернедобросовестности, новой формы «неправа» (по Гегелю), автор вырабатывает рекомендации для

² Перевод статьи на русский язык, см. Хесселинк М.В. Принцип добросовестности. / Вестник экономического правосудия. 2020, № 8 /.

³ Термин «сверхимперативный», видимо, заимствован из юридического лексикона научного консультанта. См.: Т.Н. Нешатаева. Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права. / Вестник ВАС РФ, 2004, № 3/.

законодателей, как необходимо закреплять юрисдикцию определенного государства над киберпространством для целей осуществления государственного контроля за нарушениями принципа добросовестности в киберпространстве. Заметим, что возникает очень сложная онтологико-правовая проблема – что из себя представляет киберпространство. Ведь в результате развития хитроумных недобросовестных практик неизбежно возникают коллизии юрисдикции. Несмотря на очевидную сложность решения этой проблемы, автор диссертации предлагает ряд мер: 1) признание экстерриториальной юрисдикции, которая предполагает возможность осуществления национальной юрисдикции государства за пределами его территории; 2) критериями выбора национальной юрисдикции государства, которая будет осуществляться за пределами его территории, могут быть не только те, которые используют в качестве коллизионных привязок для урегулирования спорных правоотношений в киберпространстве, осложненных иностранным элементом, но и критерии места регистрации международного юридического лица, созданного международным договором для целей управления киберпространством как коммерческим продуктом.

Ж.И. Седова, тем самым, продолжает развивать свою кандидатскую диссертацию о международных юридических лицах как субъектах международного права.

5. Заслуживает научного признания авторская классификация недобросовестного поведения по семи признакам: 1) по субъектному составу; 2) по направленности действий; 3) по характеру воли носителя поведения; 4) в зависимости от истинных намерений автора; 5) в зависимости от результата (т.е. в зависимости от лица, которое является жертвой); 6) по характеру действий; 7) по сфере регулирования правоотношений.

Эта классификация разработана в практических целях: для выявления основных видов поведения, которые могут быть безошибочно квалифицированы судами как недобросовестные.

6. Появление принципа добросовестности в ГК РФ оказало глубокое влияние на концепцию осуществления субъективных гражданских прав.

До 2014 года ГК РФ не требовал от участников гражданского оборота соблюдать публичные интересы при осуществлении своих субъективных прав. Принцип недопустимости нарушения субъектами гражданского права при неучете его социального назначения, видимо, показался составителям проекта ГК РФ слишком «социалистическим».

Не прошло и 10 лет после его принятия, как стало очевидно, что получившая распространение практика реализации субъективных гражданских прав без учета их социального назначения влечет неизбежное нарушение публичных интересов.

Стало очевидным, что пределы для осуществления субъективных гражданских прав непременно должны определяться нормами-принципами, и прежде всего принципом добросовестности, и его следствием и сферой проявления является принцип недопустимости злоупотребления правом.

В нашей стране в гораздо более короткие сроки, чем это было в Германии в XIX веке, обнаружилась потребность в закреплении принципа добросовестности для того, чтобы стала востребованной концепция социального назначения субъективных гражданских прав и обязанностей. И не случайно в практике Конституционного Суда РФ принцип добросовестности был признан «конституционно значимым принципом».

7. Ж.И. Седова в начале своей диссертации не случайно напоминает о том, что *mutatis mutandis* идеи о необходимости в социальных отношениях следовать велениям того, что в германском праве называют

добрыми нравами, присутствуют во всех мировых монотеистических религиях.

В процессе их юридизации они превращаются в т.н. «открытые нормы», причем независимо от правовой семьи.

Видимо, эта общность является объективной, это неизбежная реакция на те случаи, когда «законодатель» не в состоянии определить, какие обстоятельства в будущем будут подпадать под действие «открытых норм». И тогда содержание их наполняется конкретикой в правовой жизни, в процессе правоприменения, детализации. В конце концов, появляется система частных норм, а в юридической науке – доктрин.

8. Диссертация Жанны Игоревны Седовой на соискание ученой степени доктора юридических наук по теме «Международно-правовой принцип добросовестности как основа регулирования частноправовых отношений» соответствует требованиям, предъявляемым к научным исследованиям, вносит вклад в юридическую науку и заслуживает высокой оценки.

Гаджиев

Доктор юридических наук,
профессор Гаджиев Г.А.

Подпись Гаджиева Г.А.,
заверяю

*профессора кафедры гражданского права
Юридического факультета НИУ ВШЭ -
Санкт-Петербург*

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДЕКАНА
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Б. Б. НЕУЛОКОВ

Тел. 8 (911) 929-28-56

gadis.gadjiev@gmail.com

НИУ «Высшая школа экономики» г. Санкт-Петербург

Научный руководитель юридического факультета